

УДК 130.2

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ЭМПАТИИ ЧИТАТЕЛЯ
ПРИ АНАЛИЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА

Жиндеева Е.А.

доктор филологических наук, профессор

профессор кафедры литературы и методики обучения литературе

МГПУ им. М. Е. Евсевьева

г. Саранск

jindeeva@mail.ru

Мартынова Е. А.

доктор философских наук, доцент

заведующий кафедрой философии

МГПУ им. М. Е. Евсевьева

г. Саранск

martynovaelena56@mail.ru

***Аннотация.** Представленные материалы – результат многолетнего наблюдения за эмпатией как особым феноменом взаимодействия писателя и читателя посредством художественного произведения. На примере анализа стихотворения Бориса Поплавского «Смерть детей» предложено описание механизма возникновения сопереживания и транспарентного преломления чувств автора в свете возможных интерпретаций художественного текста. Особое внимание при этом уделяется способам и приемам создания эмоционального фона произведения, а также доказывається, что транспарентность эмоций читателя от прочитанного текста, его эмпатия и являются мерилем ценности художественного произведения как образца словесного искусства.*

Ключевые слова: эмпатия, транспарентность, читатель, автор, художественный текст.

TRANSPARENCY OF THE READER'S EMPATHY FORMATION
IN ANALYSIS OF ARTISTIC TEXT AS AN INTERDISCIPLINARY PROBLEM

Zhindeeva E.A.

Doctor of Philology, Professor

Professor of the Department of Literature and Literature Teaching Methods

Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseviev

Saransk

jindeeva@mail.ru

Martynova E.A.

Doctor of Philosophy, Associate Professor

Head of the Department of Philosophy

Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseviev

Saransk

martynovaelena56@mail.ru

Annotation. The presented materials are the result of years of observation of empathy as a special phenomenon of interaction between the writer and the reader through a work of art. The example of the analysis of Boris Poplavsky's poem "Death of Children" offers a description of the mechanism of the emergence of empathy and transparent refraction of the author's feelings in light of possible interpretations of the artistic text. Particular attention is paid to the methods and techniques of creating the emotional background of the work, as well as proves that the transparency of the reader's emotions from the text read, his empathy and are a measure of the value of the work of art as a model of verbal art.

Keywords: empathy, transparency, reader, author, artistic text&

Введение. Система возникновения художественного произведения и механизмы его влияния на читателя представляют интерес для большинства гуманитарных наук. Это обусловлено невозможностью досконально «препарировать» процесс, разложив его на составляющие, поскольку читательские переживания всегда индивидуальны. Об общих тенденциях их формирования частично мы уже говорили и раньше (например, Жиндеева, Мартынова, Чванова, 2013; Жиндеева, Шигуров, 2013 и др.). Учитывая наши наблюдения, касающиеся авторской проекции понимания текста произведения, обратимся к разъяснению некоторых составляющих механизма формирования внутритекстовой константы «сопереживания» на примере анализа конкретного художественного текста с учетом междисциплинарности понимания изображения чувств в литературных образцах.

Постановка проблемы. Эмпатия как неотъемлемая часть читательской реакции представляет собой способ активного «проживания» предложенной ситуации, при котором частичное (реже – полное) погружение в изображаемые время и обстоятельства, позволяет не только приобрести социальный опыт, но и является доказательством готовности читателя к эмоциональному взаимодействию с автором художественного произведения.

Постановка рассматриваемой нами проблемы напрямую связана с несколькими аспектами эмпатического восприятия текста, которые можно сформулировать следующим образом: обнаружение способности к сопереживанию у конкретного человека, выявление наличия эмпатии этого же индивида при прочтении конкретного художественного произведения, значение эмпатии для описания системы взаимоотношений «писатель – читатель» на примере их взаимодействия относительно одного конкретного текста. Таким образом, на первый план в нашем исследовании выдвигается не только констатация вовлеченности человека извне (читателя) в мир образной авторской симуляции действительности, но и параметры, а также прозрачность их фиксирования в аналитической работе с текстом.

Цель исследования. С учетом особенностей структурно-семантической реализации авторского создания в тексте, взяв за основу концепт «дети», на примере анализа стихотворения Б. Поплавского «Смерть детей» докажем наличие многовариантной модели выстраивания эмоциональной связи «писатель – читатель» за счет транспарентности формирования эмпатии последнего.

Вопросы исследования. Одной из актуальных проблем современной гуманитаристики, в том числе и литературоведения, является рассмотрение презентативности авторского присутствия в художественном произведении и его влияние на восприятие читателем модели создаваемого мира. По существу, все исследования эмпатии в теории литературоведения, да и в смежных науках, таких как культурология, философия, психология и т.д., относительно изучения механизма возникновения сопереживания и писательских технологий, призванных ее сформировать, можно сгруппировать следующим образом:

- открытое эмоциональное воздействие на читателя (например, посредством описания психологического состояния героя, его переживаний и их следствия – поступков);
- идентификация с персонажем, путем ориентации на социальное происхождение, политический настрой, возрастные изменения и т.п. потенциального читателя;
- перепроживание предлагаемой ситуации как замены реальности для читателя;
- воспроизведение коммуникативного кода как единой модели разнообразных речевых конструкций в пределах одного произведения.

Практически все перечисленные нами стратегии формирования читательской эмпатии укладываются в наиболее популярные на сегодняшний день теории аналитической работы с художественными образцами (имеется в виду учения М. М. Бахтина (Бахтин, 1977), Ю. М. Лотмана (Лотман, 1992), Б.О.

Кормана (Корман, 1992), Д. С. Лихачева (Лихачев, 1962) как основоположников учения о категории авторства).

Что касается исследований творчества Бориса Поплавского, то основой наших рассуждений о нем стал непосредственно анализ избранного нами текста. Кроме того, в заявленном ракурсе определенный интерес, по нашему мнению, представляют публикации Е. Менегальдо (Менегальдо, 2007), С. Н. Романа (Роман, 2017), А. И. Чагина (Чагин, 1996).

Учитывая, что Борис Поплавский один из самых загадочных и неизученных представителей русского Зарубежья, мы уверены, что исчерпывающего комплексного исследования его творчества до настоящего времени не существует. Отчасти это обусловлено обстоятельствами жизни писателя в эмиграции, отчасти – отсутствием систематизации его наследия. Между тем, творчество Б. Ю. Поплавского чрезвычайно интересно в свете сложившихся в русской литературе в настоящее время аксиологических традиций исследования авторского проекции читательского отклика. И с этих позиций «Смерть детей» как образец лирического манифеста интересен не только литературоведам, но и философам, культурологам, психологам.

Методы исследования. Любое комплексное исследование художественного текста носит оценочно-обобщающий характер, в связи с чем использование конкретно-исторического и компаративистского подходов становятся основой анализа разнопрофильных научных источников (культурологических, педагогических, психологических, философских, социологических и др.) по проблемам творчества и его понимания. Применение деятельностного и системного подходов позволяет создать собственную концепцию понимания заявленной проблемы, а применение диалектического метода дает возможность выявить противоречивые стороны многогранного понятия «эмпатия». При анализе концепций, описывающих сущность творческой личности писателя, были использованы элементы

герменевтического метода и аксиологического подхода, постулаты концептологии как синтезированного научного учения.

Результаты исследования. Транспарентность любого анализа художественного произведения достигается за счет достоверности трансляции его понимания, объяснения авторской позиции за счет «считывания» герменевтических указателей и при помощи осмысления концептов – элементов коллективного сознания, в которых откладывается, аккумулируется общественно-историческая практика людей, соединяется общее представление о предмете рассуждений и частное (авторское) суждение о нем. Очевидно, что через концепт исследователь имеет возможность подойти к осознанию материальной и духовной самобытности писателя, заключающейся в характеристиках понятия как мыслительной единицы.

При аналитической работе с избранным текстом уже на уровне номинатива обращает на себя внимание оксюморонная сущность столкновения двух концептов «смерть» и «дети», где сознание автора микширует смерть и сон.

Клишированность понятия «дети» дает весьма точное представление о маленьком человеке как части социума, цикличности и смысле жизни. Описываемые здесь тайна, красота и стремление к ним подвластно субъективной логике, механизм которой понятен и писателю, и читателю.

Концепт «дети» как «глобальная единица структурированного знания» (Попова, 2001, с. 3) не являются чем-то неизменным, что непосредственно отражается в сюжете произведения, скорее наоборот, обнаруживается стремление персонажей к статичности, нежеланию взрослеть.

Введение в сильную позицию доминанты рассуждений основного «происшествия» служит ярким примером отражения внутреннего мира героев и является проявлением идеи произведения в целом. С одной стороны, заглавие является динамичным и многозначным (на что мы уже обращали внимание), с другой – отражает известный ход мыслей ряда других русских писателей. Так,

например, «Я люблю смотреть, как умирают дети ...» – скандальная фраза В.В. Маяковского лишь констатирует факт, широко распространенный в русской литературе. Вспомним детские гробики Н. А. Некрасова, зарезанных детей в «Братьях Карамазовых» у Ф. М. Достоевского, «Смерть пионерки» Э. Багрицкого и т.д. Но в нашем случае, смерть детей – катализатор чувств автора, своеобразный метод психологического давления на читателя, эмоциональное «взвинчивание» его восприятия, некая игра, которая строится Б. Ю. Поплавским по правилам, известным только ему.

Активно эксплуатируя такие художественные приемы воспроизведения действительности, как игра, симуляция, ирония, Б. Поплавский маскирует через сознание избранных героев (причем обобщенного вида) свое понимание смысла происходящего. Обнаруживая окружающий мир как хаосность, сбой с привычного космологического ритма, невозможности познания красоты мироздания, поэт делает акцент на сближении конечных точек бытия – рождения и так его следствие детства со смертью как неизбежным финальным актом любого физического присутствия одушевленного существа в непознаваемом, но прекрасном мире.

Зона сознания ребенка здесь представлена опосредовано, через оценку действительности как некой сказки, или красивого сна. Резко очерченный конфликт детей с окружающим миром в представлении автора является финальной точкой произведения. Диспозиция жизни во сне с реальным бытием дает возможность в пределах меняющейся парадигмы создать эффект скоротечности событий. Балладная форма позволяет автору соединить свои внутренние переживания с внешним проявлением, заложенном в событийном начале стихотворения. В нашем случае автор создает прецедент соединения художественного слова и индивидуального проявления душевного состояния, выраженного в отношении к своим героям. Именно это и делает необходимым выявление всех возможных дискурсов в пределах жанра баллады.

На первый план при воспроизведении атмосферы Рождественского праздника и создания узнаваемых читателем реалий в художественном произведении выдвигается авторское представление о своем мире, умение воссоздать собственное настроение и психическое состояние путем воспроизведения системы отношений потусторонних, нетривиальных сил и впечатлений. Намеренно акцентируя внимание читателя на звуках, например, «бессмысленный шепот богов», «девичий шепот легчайших шагов», «хором свечи в столовой в ответ зазвучали» и тому подобном, поэт активизирует в читателе, возможно, забытые уже, детские ощущения и воспоминания, тем самым добиваясь проникновения в текст на чувственном уровне читательского сознания.

Учитывая систему взглядов М. М. Бахтина (Бахтин, 1977), В. В. Виноградова (Виноградов, 1961), Л. Я. Гинзбург (Гинзбург, 1977), Б. О. Кормана (Корман, 1992), укажем на ключевое в наших рассуждениях понятие «автор». Автор, по мнению ученого – это «субъект (носитель) сознания, выражением которого является все произведение или их совокупность» (Корман, 1992, с. 4). Таким образом, если рассматривать художественное произведение как иллюстрацию сознания, работы мозга, то самостоятельность и истоки поведения героем необходимо искать в жизненном опыте его создателя. Исходя из общеизвестного постулата о том, что образы детства практически всегда автобиографичны, эмоциональны и красочны, обратимся к фактам жизни поэта и к воспоминаниям о Поплавском. В этом плане любопытны факты биографии автора стихотворения «Смерть детей», свидетельствующие о том, что о трагедии ухода из жизни он много стал рассуждать после смерти младшей сестры. Возможно, этим и объясняется особое внимание именно к девочке в стихотворении.

Для Поплавского-живописца принципиально важно создать средствами словесного искусства психологический портрет детей. Отсюда и игра света, диспозиция заснеженного мира как атрибута бытия и сиреневой с фиолетовым

голосом луны как символа небытия. Именно игра красок не дает писателю погрузиться в схему, сохранить нетронутым то чувство, которым отличаются дети. Все вещи в произведении окрашены определенными цветами, каждый из которых не только передает колорит чувства, но и символизирует внутреннее состояние автора. Достаточно сказать, что фиолетовый, сиреневый, свинцовый – темные цвета констатируют сложное пессимистическое настроение Поплавского. Детство как образ безвинного и безысходного страдания, с отчетливым тяготением к потустороннему миру придает преобразование реальности, моделирует концептуально значимые признаки противопоставления ребенка взрослому человеку. При этом занимая отстраненную позицию, не ассоциируя себя ни с образом детей, ни с противостоящей им силой – миром взрослых, Поплавский констатирует факт: дети в стихотворении остаются равнодушными к происходящему и сохраняют ощущение безмятежности и счастья только во сне. Мир замкнулся в страдании, возвращение в это эмоциональное состояние неизбежно для самого автора. Для детей есть выход: либо сон, либо смерть.

Возрастной диапазон детей не указан. Персонажи сливаются. Но при внимательном прочтении довольно явственно выдвигается противостояние девушки и окружающего мира. Ее образ как бы вспомогателен, иллюстративен: «Слышен девичий шепот легчайших шагов». Но впоследствии есть строка – ключ к пониманию происходящего: «Удивленная девочка стала большой». В таком случае можно поставить знак равенства между переходом в другую возрастную категорию (рождение взрослого человека) и смертью ребенка, воспринимаемой как следствие такого процесса.

Интересным является следующий факт: в характеристике центрального единичного персонажа на первый план выдвигается половая идентификация. Но в тексте нет точного соответствия между девочкой и детьми. Может ли это означать, что не все дети способны стать большими, или, что девочка не является частью собирательного сообщества «дети», так и остается загадкой.

Зато совершенно очевидна другая ассоциация – между сном и смертью. Для того чтобы разгадать этот парадокс, нужно обратить внимание на интерес Поплавского к основной категории философии – смерти.

В русской литературе тема смерти не часто сопрягается с темой ребенка. Чаще всего это происходит тогда, когда автору надо показать процесс взросления его героя, это момент своеобразной инициации через узнавание ребенком о смертности человека. Но в нашем случае детские образы несут огромную эмоциональную нагрузку – они усиливают трагичность утраты человеком всего, что составляет смысл и божественность его существования. Детей привлекают игры с ангелами, игрушки земные навевают беспокойство и тоску, что и рождает безудержный плач. Устойчивое единство сюжетно-композиционных звеньев, которые схематично, как бы против воли поэта, приводят детей к прыжку в сны, позволяет констатировать следующий факт. Образ смерти, ее власти над человеком в художественном сознании автора не идентично представлениям читателя о ней. Более того, смерть – сон имеет и более устойчивый противоположный вариант, хорошо знакомый читателю: жизнь – сон.

Взаимодействие сновиденческого мира с интерпретацией цели жизни создается за счет введения невероятного количества авторских метафор. Укажем лишь некоторые: «бессмысленный шепот богов», «молчанья свинцовая роза» и т.д. Присутствие элементов, создающих собственно внутреннее пространство сновидения, позволяет говорить о цветописном мастерстве поэта.

Для Б. Ю. Поплавского трагизм смерти заключается не только в физическом умирании, а в чувстве отторжения взрослого человека от божественного начала. С достаточной долей условности можно сказать, что страшная действительность рождает пугающую обыденность существования, с которой сложно смириться слышащим шепот богов. Дети не цепляются за жизнь, не ищут спасения. Такая страшная деформация инстинкта самосохранения живого организма констатирует абсолютное отклонение

изображаемой действительности от нормы. Парадоксальность выбора автором выхода из сложившейся ситуации констатирует эмоциональную несостоятельность, психологическую неустойчивость поэта и, как следствие этого, склонность к суициду.

Из психологических трудов известно, что ребенок на самом деле воспринимает жизнь «пунктирно», как цепочку не вполне связанных между собой событий и явлений. Он не анализирует происходящее, а удовлетворяется его мгновенной эмоциональной оценкой, которая, как правило, оказывается абсолютно точной, соответствующей правде бытия. В таком ракурсе в анализируемом произведении детские образы транслируют сознание самого автора: его жизненную позицию, индивидуальную логику объяснения совершаемого и т.д. В пределах одного стихотворения автор намеренно сталкивает два таких достаточно далёких друг от друга явления как мифопорождающее текстовое устройство, при котором дети являются как обобщенными alter ego писателя, так и индивидуально мыслящими единицами мироздания, и существенно иллюстрирует индивидуальный ассоцианизм, в частности, в смежности понятий «сон» и «смерть». Но показывая физическую гибель детей, Поплавский одновременно утверждает и непреходящую ценность земной жизни, человеческого счастья, основанного на любви к ближнему, на извечной надежде, что дети, новое поколение будет жить лучше и счастливее. А если такого не случится, то и жить не стоит.

Обозначением каждого нового витка сюжета служит таинственное. Пренебрегая внешним впечатлением, Б. Ю. Поплавский в большинстве описаний акцентирует необычные, удивительные способности маленького персонажа, его благостное воздействие на мир. Но интерес к внешним обстоятельствам реальной действительности у него утерян навсегда.

Сталкивая контекстуально противоположные позиции читателя и детей, Б.Ю. Поплавский создает напряжение и так убеждает читателя в своей правоте, что уже на начальном этапе становится отношении к сну специфичным. Как

элемент структуры лейтмотив детского сна тесно связан с художественной формой, с авторскими мыслями, чувствами. При этом детское двоемирие воспринимается как представление поэта о смысле существования. Сюжетная реализация, спроецированная по принципу калейдоскопа, где основной движущей силой является игровое начало, дает возможность автору изобразить столкновение с жизнью и детский опыт неведения свершаемого ими. Здесь срабатывают теософские пристрастия Б. Ю. Поплавского: буддийское увлечение озвучивает пренебрежение поэта к смерти. Вместе с тем, тяготение к смерти выражается и в богоборческих мотивах поэта. Особо остро это ощущается в следующих строках:

«Рождество расцветает над лоном печали.

Праздник, праздник, ты чей? – Я надзвездный, чужой».

Объяснение находим в жизнеописании Бориса Поплавского, выполненное Луи Алленом. «С семнадцати лет он начал вести дневники и записи, часто похожие то на молитвы и прозрения, то на помутнение рассудка вопрошающего Бога, спорящего с Богом, обвиняющего Бога, бросающего ему вызов. И, как это ни парадоксально, именно этим исканиям, озарениям и мистическим экспериментам, записанным неровным мелким почерком, была подчинена его поэзия и вся остальная жизнь»(Аллен, 1991, с.124).

Мотив небытия в жизни, ощущение себя как чужого в этом мире дают возможность Поплавскому дистанцироваться от христианских тем. А отсюда и возможность резкой смены поведенческой парадигмы, искаженная логичность, как самого писателя, так и его героев, которые не могут быть познаны обывателем. Углубляясь в изучение творчества Б.Ю. Поплавского, приходится констатировать факт неисчерпаемости его образом и мотивов, за которыми стоит личность самого писателя. Сам характер взаимодействия между героями, искаженность жизненных цели и задач выражаются в шокирующем соединении обыденности и смерти. При этом натуралистичность завоевывается не за счет точного описания самой смерти, а за счет достижения эмоциональной

достоверности ощущений от нее. Таким образом, одним из способов демонстрации авторской концепции становится коллизия смерти, а одиночество становится ведущим мотивом в его поисках смысла жизни.

Отдельные элементы подражательности позволяют говорить о пародийности смысловых нюансов. Рождественский пафос стихотворения, достигаемый введением деталей временных меток (потушенная елка, праздник рождества), отличается преобладанием апокалипсических настроений. Важность такой авторской позиции подчеркивается тем фактом, что Поплавский в картине создаваемого мира иллюстрирует эгоцентризм, описывается свою принципиальную позицию как попытку создания нового центра личности. Роль писателя, исходя из того, заключается в достижении полной уверенности, что автор является полновластным хозяином своих персонажей, их Богом.

Заключение. Представленный анализ доказывает, что авторское сознание, транслируемое в художественном произведении, несомненно оказывает эмоциональное воздействие на читателя. Проектирование же ситуации, запуск механизма «проживания» произведения во многом связан с пониманием произведения, возможностью принять позицию автора. Таким образом, транспарентность эмоций читателя от прочитанного текста, его эмпатия и являются мерилем ценности художественного произведения как образца словесного искусства.

Литература

1. Аллен, Ли (1991) Странник в черных очках // Б. Ю. Поплавский в оценках и воспоминаниях современников. М.: Просвещение.
2. Бахтин, М. М. (1977) Проблема автора. *Вопросы философии*, 7, С.148-160.
3. Виноградов, В. В. (1961) Проблема авторства и теория стилей. М.: Художественная литература
4. Гинзбург, Л. Я. (1977) О психологической прозе. Л.: Художественная

литература.

5. Жиндеева, Е. А. (2013) Авторский комментарий как «путеводитель» читателя в системе организации художественного текста. *Гуманитарные науки и образование*, 2013, 3, С.127–130.

6. Жиндеева, Е. А., Мартынова, Е. А., Чванова А. В. (2013) Лейтмотив как внутритекстовая константа авторского понимания происходящего и читательская рефлексия от узнанного. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2013, 3, С. 249–252.

7. Корман Б. О. (1992) Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск: Издательство «ГОС».

8. Лихачев Д. С. (1962) Текстология. М. – Л.: Просвещение.

9. Лотман Ю. М. (1992) Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: «Александра».

10. Менегальдо Е. (2007) Поэтическая Вселенная Бориса Поплавского. СПб.: Алетейя.

11. Поплавский Б. Ю. (2017) Избранное. М.: Прогресс.

12. Попова З. Д., Стернин И. А. (2001) Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во ВГУ.

13. Роман С. Н. (2007) Пути воплощения религиозно-философских переживаний в поэзии Андрея Белого и Б. Ю. Поплавского. Дис. ... канд. филол. наук, Орехово-Зуево, 207 с.

14. Чагин А. И. Орфей, русского Монпарнаса (О поэзии Бориса Поплавского) (1996) *Российский литературоведческий журнал*. 1996. 8. С. 169-194.